

Максим Горький

Экзекуция

Максим Горький
Экзекуция

«Public Domain»

1935

Горький М. А.

Экзекуция / М. А. Горький — «Public Domain», 1935

ISBN 978-5-457-12969-6

«Май был сухой, дождь только дважды оросил жёсткий суглинок полей деревни Дубовки, и опять хвастливо развернулись, всё более медленно пошли длинные, жаркие дни. С июня зашумели сухие грозы, обманывая надежды крестьянства. Только во второй половине июня небо сплошь покрылось оловом облаков и на поля посыпалась мелкая пыль дождей, назойливых по-осеннему...»

ISBN 978-5-457-12969-6

© Горький М. А., 1935
© Public Domain, 1935

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Максим Горький

Экзекуция

«Экзекуция – исполнение судебного решения».
Словарь юридических терминов.

Май был сухой, дождь только дважды оросил жёсткий суглинок полей деревни Дубовки, и опять хвастливо развернулись, всё более медленно пошли длинные, жаркие дни. С июня зашумели сухие грозы, обманывая надежды крестьянства. Только во второй половине июня небо сплошь покрылось оловом облаков и на поля посыпалась мелкая пыль дождей, назойливых по-осеннему.

– Видать, и семян не воротим, – уныло соображали хозяева Дубовки, глядя на взъерошенные скудными всходами клочья своей земли, – она даже в урожайные годы давала тридцать пять – сорок пудов при посеве восемь – десять на десятину.

Удобрять её нечем было, скота мало, лошадные мужики ездили за сорок две версты в город и, покупая там навоз у дворников купеческих домов, немножко подкармливали свои наделы, даже платили навозом безлошадным беднякам за батрацкую работу. Вообще Дубовка жила трудно, как и многие деревни этого скудного уезда, а волость, в которую включалась Дубовка, особенно славилась бедностью и частыми продажами имущества крестьян за недоимки. Из пятидесяти двух семей Дубовки половина мужиков осенью уходила в город колоть дрова мещанству по 15–20 копеек за погонную сажень, весной – набивали погребца снегом, скалывали грязный лёд на улицах, хватались за всякую работу, только б сохранить семье лишний кусок хлеба. Зимой плели лапти из лыка, тайно надранного в монастырском лесу, плели вентели для ловли рыбы¹ и корзины из прутняка, нарезанного в оврагах. Бабы нередко уходили в город в прислуги, и многие приживались там, бросая мужей.

Дубовка прикрепилась на извилистом берегу какой-то древней реки, она капризно избородила землю долинами, оврагами, построила холмы, и от неё осталась узенькая, почти пересыхавшая летом двумётная речка Юла, или Безымянка. Весною Юла собирала в себя ручьи с полей и, пополняясь рыжей, глинистой водою, ежегодно обрывала, обламывала берега, понемножку сокращая площадь посевов и узкую полосу лугов. Бедность и убожество Дубовки никого не удивляли, – деревня славилась дерзостью мужиков, пьянством и сердитым отношением к ней начальства, – начальство сердилось не только за неплатёж налогов, а и за то, что считало мужиков Дубовки клязниками, склочниками, любителями судиться.

Был в Дубовке свой мудрец, солдат Ераков, защитник Севастополя, маленький, тощий, с бритым подбородком и баками, с длинным носом дятла и сердитыми глазами под навесом седых бровей, человек гордый, уверенный в своей мудрости. Прилепился он на околице деревни в хорошей избе с большим огородом, имел десять колодок пчёл, любил читать псалтырь по усопшим, учил людей правилам хорошей жизни и терпеть не мог детей. В огороде у него работали бабы-соседки и старуха, вторая его жена, забитая героем до полной глухоты. Он рассказывал, что дубовцы были переселены на эту неплодородную землю из Смоленской губернии после войны с Наполеоном в наказание за бунты и что до воли, до 61 года, он в Дубовке был «бурмистром», но никто из стариков слова «бурмистр» не понимал и Еракова начальником крестьянства не помнил. Как многие из деревенских мудрецов той поры, он объяснял тяжесть и горе деревенской жизни очень просто.

– Забаловались люди. Не верят ни в бога, ни в беса, живут для брюха. И царя не жалеют, а царь об нас печётся – волю дал, думал – народ богаче будет. Ну – ошибся его императорское

¹ Вентель, также вентерь, мережа, морда – рыболовный снаряд, сетчатый кошель на обручах с крыльями – *Ред.*

величество. Молодой был, добрый, в молодости и волчонок добёр. При помещиках – лучше жили, тогда власть была у мужика на воротах, а не в городе. Помещик знал: от голодного мужика, как от козла, ни шерсти, ни молока. Он ходил по земле своей с палочкой и всё видел: одному – поможет, другому – по шее наложит. Ну, люди и жили в порядке. А теперь вот земство завели, а оно, земство-то, на даче сидит, в карты играет с вечера до утра. Свечки в стеклянных пузырях жгут, чтобы насекомое не беспокоило. Сам видел это баловство. А мужики с помещиками судятся, чего никогда не было.

Кроме Еракова, был ещё мудрец Серах Девахин, портной, птицелов, охотник, мужик дикого вида: широкоплечий, но сутулый и плоскогрудый, как будто раздавленный. Ходил он по земле не торопясь и как-то неуверенно раскачиваясь на длинных ногах; лицо имел высоколобое, стиснутое густейшей светло-русой, как бы полинявшей бородой, он вообще был чрезмерно волосат, кустики волос росли у него даже на пальцах рук. Портной, а сам одевался неряшливо, в какие-то грязные и рваные лохмотья, точно на показ своей бедности. Ему было за сорок лет, но солидные люди звали его – Серёжка. Странно было видеть на узком лице Сераха большие и очень красивые синеватые бабьи глаза, его глухой тяжёлый голос и дикий вид никак не совпадали с мягкой улыбкой этих глаз. Он был любимцем женщин и парней. Это они наименовали его Серахом, всегда внимательно слушая его размышления и, должно быть, считая «блаженным». Покуривая пятаковую глиняную трубку на длинном самодельном чубуке, он гудел, глядя в землю:

– Вчерась в лесу выбрал сухое местечко – лёг, уснул. Проснулся – гляжу: гриб стоит, крепенький такой молодчик, белый гриб. А когда ложился я – не было его. Вот, ядри вашу долю, гриб три часа растёт, а жеребёнок года.

Матерно он ругался редко, а когда его спросили, почему он говорит «ядри», «ядрит», – объяснил:

– Ядро – значит зерно, самая суть. Ядри – стало быть, крепи, грей, накаливай, как, примерно, кузнец. Не накалишь – не скуёшь. Это и людей касаемо.

Такие его речи были мало понятны, но привлекали молодёжь тем, что не похожи были на обычные речи дедов, отцов и всегда служили началом для иных речей.

– Зря трётесь, ребята, в город надо уходить, на фабрики, – негромко и раздумчиво гудел он. – Там народ рабочий грамотнее, ловчей, богаче. Там – пестрота! А у нас: зимой бело да морозно, летом зелено да знойно. В одну пору – снег, в другую – пыль. Эдак-то жить не больно охота. В городе человек может цену себе поднять, а здесь: ты – на гору, сосед – за ногу. Вот Лобов начал сад разводить, а вы, ядрит вашу долю, все посадки у него выдергали. У нас состязание неправильное: состязаются для того ради, чтоб один выше другого не лез, все должны одинаково картошку есть. В городе – там всякий ярится другому на плечи вскочить, там – не зевай! Васька Гогин улицы мостит, брюхо отрастил, у него под рукой более полусотни людей ходит, а когда он парнем был, я ему, дураку, морду бивал, как хотел.

Солидные люди считали Сераха смутьяном, вредным человеком, и Влас Белкин внушал парням:

– Вы Серёжку не слушайте, он – дурак и всё врёт.

– А какую неправду говорит он? – спросил бойкий подпасок Костяшка.

Белкин ответил:

– Правды много, её – как васильков во ржи. Случайно и дурак правду сказать может, однако учат добру не дураки, а старики.

Белкин – небольшой, сытенький, круглоглазый, горбоносый, похож на филина. Он держал лавочку, скупал у мужиков и баб лапти, корзины, всякое рукоделье, платил керосином, сахаром, чаем, нитками, иголками и всякой мелочью. У него было два сына – один в солдатах, другой работал грузчиком на Волге и уже третий год не являлся на зиму в деревню. Румяноножий Белкин тихонько покашливал, притворяясь нездоровым, но, овдовев с год тому

назад, усердно сватался к Левашевой Христине, одинокой женщине, не любимой деревней. Не любили её за то, что она пренебрегала парнями, да и вообще мужики не пользовались её благосклонностью.

В прошлом жизнь её была несчастная, потом стала тёмной. Отец, коновал, выдал её замуж за слесаря в затон на Оке, но вскоре пьяный утонул вместе с зятем. Христина, родив ребёнка, умершего через месяц, пошла в кормилицы к каким-то дачникам, уехала с ними в город, и лет десять о ней не было «ни слуха ни духа», а потом она вдруг явилась, солидная, красивая, с нахмуренным лицом, дерзкая на слово. Поставила себе уютную избёнку в два окна, развела огород и, когда надо, нанимая работать развесёлую бобылку Дуняшу Котомину, жила одиноко, не очень прительствуя с бабами, но охотно принимала в гости, всегда вдвоём, Сераха и бывшего грузчика Лобова, чернобородого мужика с отрезанной ступнёй левой ноги, прозванного Однопятым. На святки, на пасху к ней приезжала из села старушка учительница и будто бы учила Христину грамоте – над этим в Дубовке посмеивались. В сватовстве Белкину она отказала и, должно быть, обидно. Он после этого начал рассказывать, что Христина три года сидела в арестантских ротах, а после того занималась стыдным ремеслом в публичном доме. Зная, что Белкин ни о ком, кроме себя, не умеет сказать доброго слова, ему вообще не верили, но рассказы о Христине многие приняли как правду, – Белкин был в дружбе с урядником. Однажды Христину пробовали ограбить, но она вовремя проснулась и поранила чем-то грабителя, – он ушёл, оставив кровавый след. Другой раз парни вытоптали ей гряды в огороде, после этого она явилась на сход и сказала:

– Вот что, миряне, я – баба сильная, если поймаю которого из ваших балбесов, убью!

Сказала так, что поверили: убьёт. А приятели её, Лобов и Серах, обещали парням кости переломать. Христину оставили в покое, но ещё более крепко невзлюбили.

– Под барыню живёт, сука!

Три года Дубовка судилась с монастырём, который не уплатил крестьянству 1607 рублей за купленную у него часть выгона с оврагом, за работу по устройству в овраге плотины и очистку двух прудов. Иск свой Дубовка проиграла – монастырь доказал, что земля была пожертвована ему крестьянством, а за работу уплачено им хлебом и скотом. Судились четвёртый год с помещиком Красовским, который вырубил у крестьян берёзовую рощу, выкорчевал порубку и начал сеять на ней лён. У Красовского оказались какие-то планы и документы, из них явствовало, что дубовцы двадцать шесть лет ошибочно считали рощу своей.

Влас Белкин нашёл адвоката, который вёл дела Дубовки бесплатно, из «милости к ближним», из «желания послужить народу», а может быть, потому, что дразнил начальство своим либерализмом. Платили адвокату по 50 рублей за поездки в Москву в судебную палату. Деньги эти собирал с деревни Белкин, себе он тоже требовал на поездки в город к адвокату полтинник в сутки. Дело с Красовским кончилось в сентябре 83 года – в неурожайный год, о котором говорилось в начале этого очерка. Судебная палата постановила: «В иске крестьян деревни Дубовки отказать, возложив на них судебные и за ведение дела издержки».

Печальное решение это привёз Белкин тёплым и ясным вечером, – привёз его на новой, только что купленной лошадке, такой же кругленькой и сытой, как он сам. Тотчас вслед за ним прискакал урядник Сашура Кашин, тёмненький, как цыган, сухощавый и чрезвычайно важный воин в синих очках, с саблей на левом боку, с толстеньким револьвером в чехле на правом, со шпорами на каблуках щегольских сапог. Староста Дубовки Софрон Грачёв лежал в городе в больнице – ему вырезали грыжу. Сашура быстро созвал сход и высочайшим тенором строго прочитал копию постановления палаты с крыльца лавки Белкина.

Мохнатые лица мирян одеревенели, головы уныло понурились, и некоторое время все молчали, как бы не дыша. Потом Христина Левашева сказала громко и насмешливо:

– С волком кобыла тягалась – хвост да грива осталась!

Сашура, грозя пальцем, напомнил ей:

– Гляди, против закона говоришь!

Христину поддержал солдат Ераков:

– Судились тараканы с петухом. Я вам, дурное племя, говорил – бросьте!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.